

Священник Александр Владимирович Мазырин

профессор Православного
Свято-Тихоновского Гуманитарного
Университета,
доктор церковной истории, кандидат
исторических наук

Москва

Последствия революции в России для взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей

В докладе рассматривается антиканоническая деятельность Константинопольской Патриархии, пытавшейся воспользоваться для утверждения своей гегемонии бедственным положением гонимой богоборцами Русской Православной Церкви. Особую актуальность проблеме придают сохраняющиеся и даже усиливающиеся в настоящее время папистические устремления Фанара, противодействие которым является одной из важнейших церковных задач современности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Константинопольская Патриархия, революция, обновленческий раскол, апостасия.

Взаимоотношения Русской и Константинопольской Церквей до произошедших в начале XX века военно-революционных потрясений, несмотря на отдельные трения, в целом можно было охарактеризовать как достаточно гармоничные. Российская Империя выступала защитницей притесняемых турками православных народов Востока, а также щедро помогала местным Церквам материально. Константинопольская Патриархия охотно принимала эту помощь, соглашалась с особой ролью России и Российской Церкви в православном мире, довольствовалась признанием русскими первенства чести греков и не пыталась трансформировать свое номинальное старшинство в реальное главенство.

К концу 1910-х гг. ситуация кардинально изменилась. В результате революции 1917 г. Русская Церковь из покровительствуемой государством превратилась в жестоко гонимую. Соответственно, и щедрые пожертвования из России Константинопольской и другим Церквам Востока сошли на нет. Последовавшее затем поражение Турции в Мировой войне с надеждами на скорое вытеснение ее из Константинополя и части Малой Азии способствовали резкому росту шовинизма греков. В официальных изданиях Константинопольской и Александрийской Церквей публиковались пафосные статьи о том, что «греческая нация будет счастлива и горда лицезреть, как [Константинополь] станет наконец центром православия, а епископ его, возвышающийся над нациями и племенами, станет видимым главой и общим связующим звеном всех православных федеративных Церквей» [15, С. 424]. По поводу национальных автокефальных Церквей (в первую очередь Русской) в этих статьях заявлялось,

что «может иметь место пересмотр всех актов и издание канонических томосов в соответствии с национальным устройением православных народов, если таковые еще не были выданы ранее или же были выданы ошибочно или в спешке». После этого «необходимо будет учредить в Константинополе высший церковный совет, составляемый из представителей всех православных Церквей, патриарших и национальных», который «под председательством Вселенского Патриарха будет осуществлять надзор над всем православием». Разумеется, тут же отмечалось, что «должно и справедливо всем православным Церквам оказывать достойную материальную помощь этому всеправославному центру» [14, С. 428–429].

Последующие события жестоко разочаровали греческих фантазеров. Авантюрный военный поход в Малую Азию закончился в 1922 г. страшным разгромом и фактическим геноцидом греческого населения в возродившейся Турции. Сама Константинопольская Патриархия едва не была изгнана из Стамбула. В такой критической ситуации Вселенский Престол, как мог, пытался сохраниться в своем традиционном местопребывании и одновременно с этим приступил к беспрецедентной экспансии в мировом масштабе с целью наполнить свое почетное титулование реальным содержанием – стать своего рода восточным Ватиканом, подчинив себе все остальные православные Поместные Церкви. Реализовать эту греческую программу можно было только при условии утраты Русской Церковью ее былых позиций и главным образом за ее счет. При этом в гонителях Русской Церкви – большевиках – фанариоты видели инструмент своего выживания и укрепления.

В 1922 г. новоизбранный Константинопольский Патриарх Мелетий (Метаксакис) перешел от слов о возвышении Вселенского Престола к делу и начал проводить активную захватническую политику. Им был издан томас о праве Константинополя на «непосредственный надзор и управление всеми без исключения православными приходами, находящимися вне пределов поместных православных Церквей, в Европе, Америке и других местах» [3]. Вслед за этим была образована Фиатирская митрополия с центром в Лондоне, которая стала претендовать на подчинение ей всей православной диаспоры (включая русскую) в Западной и Центральной Европе. В мае того же года была учреждена архиепископия Северной и Южной Америки с претензией подчинить ей все православные приходы на американском континенте. В марте 1923 г. Патриарх Мелетий вмешался в церковные дела в Польше, «утвердив» избрание митрополитом Варшавским епископа Дионисия (Валединского). Наконец, в июле 1923 г. константинопольский Синод образовал в своей юрисдикции «Автономную митрополию Эстонии» и «Православную архиепископию Финляндии». Разумеется, все это делалось без какого-либо согласования с Русской Церковью, хотя прямо касалось ее епархий, и даже вопреки ее протестам.

Еще одной характерной приметой деятельности Мелетия (Метаксакиса) стал крайний модернизм и экуменизм. Приспособить Православную Церковь к новым реалиям грекам хотелось во многом ради заключения унии с Англиканской Церковью. Прикрывалось это красивыми словами о христианском единстве, но в реальности цель была более прагматической: опереться на военно-политическую мощь Великобритании (в то время еще бывшей мировой державой № 1) в решении все той же задачи возвышения Константинополя.

Один из англиканских епископов, участников переговоров с фанариотами, впоследствии вспоминал, как греческие представители кулуарно говорили ему: «Если Англия сможет заполучить для нас Святую Софию, мы с удовольствием признаем любые рукоположения и согласимся практически с любым учением» [11]. Такова была цена православности Фанара.

В мае 1923 г. Патриарх Мелетий созвал в оккупированном англичанами Царьграде «Межправославное совещание» в количестве девяти человек. Это странное собрание было демонстративно проигнорировано Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским Патриархами (Московский Патриарх Тихон в тот момент находился под арестом), что, однако, не помешало ему переименовать себя во «Всеправославный Конгресс». Конгресс наметил целый ряд реформ, призванных облегчить унию с англиканами, в первую очередь, календарную. Был принят ряд антиканонических постановлений, в частности о допустимости вступления клириков в брак после хиротонии, в том числе и повторный (для вдовцов). Также было решено торжественно отпраздновать в 1925 г. 1600-летие I Вселенского Собора и созвать по этому поводу новый «Всеправославный» или даже «Вселенский Собор».

Нет ничего удивительного в том, что, как только большевиками в мае 1922 г. в Русской Церкви был спровоцирован обновленческий раскол, Константинопольская Патриархия в лице своего официального представителя в Москве архимандрита Иакова (Димопуло) сразу же проявила к нему повышенный интерес и предложила свои услуги. В июне 1922 г. главного куратора церковного раскола по линии Политбюро ЦК РКП(б) Л. Д. Троцкого информировали, что архимандрит Иаков несколько раз являлся к обновленцам с сообщениями, что «его господин, святейший вселенский патриарх», мог бы прибыть на собор (обновленческий – *свящ. А. М.*) в Москву, признать Высшее церковное управление (раскольническое – *свящ. А. М.*), участвовать в суде над патриархом Тихоном, словом, сделать все, что нужно Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона “по всем каноническим правилам”. Он дал понять, что в общем итоге это стоит: возвращения к моменту прибытия в Москву “его святейшества” дома Константинопольского патриархата и 10 000 турецких лир» [4, С. 58.]. (Имелось в виду муниципализированное здание бывшего Константинопольского подворья, ранее использовавшееся греками как доходный дом; турецкие лиры тогда еще котировались весьма высоко, одна лира содержала около шести граммов золота).

Однако в итоге Патриарх Мелетий на обновленческое сборище в Москву не прибыл и даже лицемерно выступил в защиту гонимого Патриарха Тихона. Связано это было с проанглийской ориентацией Метаксакиса, а Великобритания в тот момент заняла жесткую антисоветскую позицию. Достаточно вспомнить ноту Дж. Керзона, врученную советскому правительству в начале мая 1923 г., в которой, между прочим, упоминался и затеваемый в Москве суд над Патриархом Тихоном как пример деяния, вызывающего «глубокий ужас и негодующие протесты во всем цивилизованном мире» [6, С. 182]. При этом все понимали, что обновленцы – это агенты советской власти в церковных рядах, а чинимый ими «суд» над Патриархом был выполнением большевистского заказа в преддверии готовящегося

показательного процесса над ним, итогом которого должен был стать смертный приговор Предстоятелю Православной Российской Церкви. Было бы удивительно, если бы Мелетий выступил тогда вразрез с британской линией и поддержал большевистско-обновленческую акцию против Московского Патриарха.

Между тем в расколе в Русской Церкви Фанар был весьма заинтересован, видя в нем возможность усиления собственного влияния на нее. Архимандрит Иаков писал Патриарху Мелетию: «В целом в Москве и вообще во всей России царит теперь церковно-административный хаос и церковная анархия, которая, с другой стороны, пробуждает и разжигает религиозную ревность большей части православного народа, твердо придерживающегося православия и считающего, что единственным якорем спасения и православной веры является Матерь Константинопольская Церковь, от которой Россия получила свет христианской веры. Также в народе имеет хождение идея и убеждение, что как некогда посланники Владимира, придя из Киева в Константинополь, обрели православную веру, так и теперь в царящем религиозном и церковном смешении спасение свое он может обрести в Церкви Константинополя» [12, С. 487–489].

Сам архимандрит Иаков готов был всячески способствовать нарастанию «церковного смешения» в России. Так, он вошел в президиум съезда раскольнической «Живой Церкви» и тепло приветствовал это детище Троцкого¹. В качестве ответной любезности он просил раскольников ходатайствовать перед советским правительством, чтобы то выступило в защиту притесняемой турками Константинопольской Патриархии². Однако никакой особой помощи фанариоты от большевиков в итоге не получили. Советские же органы быстро осознали, как можно использовать Константинопольскую Патриархию в борьбе с Православной Церковью в России. В полной мере это проявилось при следующем после Мелетия Патриархе – Григории VII.

Весной 1924 г. Фанар издал целый ряд угодных обновленцам и большевикам постановлений. Сначала Константинопольская Патриархия всеми доступными ей средствами стала третировать русских эмигрантов. Но зарубеьем дело не ограничилось. Из Стамбула в Москву должна была отправиться «особая патриаршая комиссия», причем специально оговаривалось, что она «в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», то есть на раскольников-обновленцев. Одновременно Григорий VII пожелал, чтобы Патриарх Тихон «пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления церковью», и чтобы вообще московское патриаршество было упразднено, «как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»¹.

¹ См.: Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 6–9.

² Выступление группы белого духовенства «Живой Церкви» на защиту Константинопольского патриарха // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 14.

¹ Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1–2.

Недостатка в догадках, почему Константинопольская Патриархия так себя повела, не было уже тогда. Позднее, в 1930 г., преемник Григория VII Фотий II на заседании своего синода откровенно говорил: «Советское Правительство через своих представителей не только просило, но просто принуждало Вселенскую Патриархию путем деятельного вмешательства выполнить свои обязанности, происходящие из особого ее положения, как Первенствующей Церкви и Всеправославного Центра, с целью умиротворения Святой Православной Церкви в России. И как мы, бывши в то время членом Синода, помним, и как помнят остальные братья, которые входили тогда в состав Святого и Священного Синода, тогда была назначена Патриаршая Комиссия для поездки с указанной целью в Россию» [13, С. 735.]. Патриарх Фотий не стал уточнять, каким именно образом советское правительство «принуждало Вселенскую Патриархию выполнить свои обязанности».

Очень выразительно эти действия греков прокомментировал управлявший русскими западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский) в письме архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру): «Документально доказано, что Цареградская Патриархия действует в контакте с большевиками и при живейшем участии Евдокима (Мещерского, возглавлявшего тогда обновленческий раскол, – *свящ. А. М.*). Подкладка такая: Патриархию выпирают из Конст[антинополя]; цепляясь за свое место, она хочет опереться на сов[етскую] власть, а последняя обещает ей поддержку под условием разложения нашей церковной организации за границей». По мнению митрополита Евлогия, план Фанара заключался в том, чтобы «поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь. Большевики и прислужник их Евдоким всячески этому содействуют – первые, чтобы внести новую смуту и разложение в Церковь, а последний – чтобы там найти себе опору» [5, Т. 2, С. 23–25].

Действительно между большевиками, обновленцами и фанариотами в тот момент обнаруживалось заметное единство интересов. За признание их законными представителями Русской Церкви и поддержку в противостоянии Патриарху Тихону обновленцы готовы были содействовать реализации экспансионистских планов Фанара. Уровень взаимодействия обновленцев с фанариотами характеризуется уже тем, что занявший место умершего в начале 1924 г. архимандрита Иакова его племянник Василий (тоже Димопуло) состоял в лжесиноде раскольников, принимал участие во всех их важнейших мероприятиях и – что совсем скандально – регулярно им сослужил [8].

Глава несостоявшейся делегации Фанара в Москву, ставший летом 1925 г. Константинопольским Патриархом Василием III, одним из первых своих деяний приветствовал очередной обновленческий лжесобор словами: «Заочно соприсутствуем с Вами»¹. В результате он был объявлен почетным председателем этого соборика раскольников, а его официальный московский представитель архимандрит Василий лично возглавил на нем пресвитерский чин². (Главным событием этого лжесобора стала грубая провокация против

¹ Письмо Вселенского (Константинопольского) Патриарха Василия III // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 7.

² См.: Открытие собора. День первый // Церковное обновление. 1925. 25 нояб. № 14. С. 111.

преемника святителя Тихона – Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра, вскоре обернувшаяся его арестом, после которого он на свободу уже не вышел [9]).

По сути дела, через свое вступление в евхаристическое общение с безблагодатной псевдоцерковной обновленческой организацией Фанар обнаруживал свое собственное отпадение от Православной Церкви. Впрочем, от такого страшного вывода в Русской Церкви старались воздерживаться, списывая канонические бесчинства Константинопольской Патриархии на самодеятельность ее московских представителей. В действительности, представительская деятельность в Москве в 1920-е гг. обоих Димопуло вполне соответствовала установкам Фанара и оценивалась последним весьма высоко, как тогда, так и впоследствии³.

В качестве иллюстрации этой деятельности можно привести выдержку из обращения (одного из многих) архимандрита Василия во ВЦИК: «Нет нужды напоминать Правительству СССР о важном политическом значении положения уполномоченного Вселенской Патриархии в условиях переживаемого времени, когда общественное мнение народов Западной Европы в вопросах церковных подвергается провокационной обработке врагов СССР: информации и освещения истинного положения религии и церкви на территории СССР Представителем Вселенской Патриархии является ЕДИНСТВЕННОЮ и притом АВТОРИТЕТНОЮ ОТПОВЕДЬЮ всем Западно-Европейским клеветникам на СССР. Ввиду столь очевидного политического веса деятельности уполномоченного Вселенской Патриархии было бы вполне целесообразным... предоставить ему в порядке экстерриториальности бывшее Константинопольское подворье, хотя бы на долгосрочную аренду в интересах греческого, ближневосточного (Константинопольского) пролетариата на территории СССР» [1, Л. 547–547 об.]. То есть за свои политические услуги богборцам официальный представитель Фанара прямым текстом просил материальных благ, причем «не корысти ради», а во исполнение воли своей Патриархии («ближневосточного пролетариата»).

При этом, если пределом мечтаний Димопуло было здание бывшего Константинопольского подворья в Москве, то его начальство мыслило куда более глобально. Главным же инструментов утверждения гегемонии Константинополя в православной мире по замыслу фанариотов должен был стать новый «Вселенский Собор». Фанар был заинтересован, чтобы вместо представителей Русской Церкви в нем приняли участие дружественные ему обновленцы, но этому воспротивились другие Православные Поместные Церкви, в первую очередь Антиохийская и Сербская. Тогда фанариоты стали предлагать участие во «Вселенском Соборе» обновленцев и «тихоновцев» на паритетной основе. Особое усердие здесь стал проявлять ставший в конце 1929 г. новым Константинопольским Патриархом Фотий II, который попытался извлечь максимум выгод из бедственного положения Русской Церкви.

³ См.: *Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ.* Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκοῦμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ... Автор этого 838-страничного труда, наполненного комплиментарными отзывами об архимандритах Иакове и Василии, – бывший великий архидиакон нынешнего Константинопольского Патриарха Варфоломея Хризостом (Калаидзис), с 1995 г. – титулярный митрополит Мирликийский.

Афинская газета «Патрис» («Отечество») в связи с усилиями Патриарха Фотия писала в 1930 г.: «...пока православие господствовало в необъятной России, а православное духовенство рабски служило на благо Царской Династии, организовать взаимодействие всех автокефальных Православных Церквей под духовным водительством Вселенской Патриархии, этой духовной вершины всего Православия, было нелегко. Но теперь, когда Антихрист... вторгся на территорию бывшей Российской Империи... Православие должно заново организовать свою христоименитую полноту и восстановить свою духовную силу ради духовных своих чад, которым грозит нападение волков. В прошлом автокефальные Православные Церкви, истощенные рабским служением покорившему их, не могли достичь соглашения, составить общее положение и выстроить совместную работу и взаимопомощь. Но, к счастью, этот период подошел к концу, и большинство православных Церквей находятся в абсолютной свободе для совместных действий»¹. Таким образом, греки прямым текстом заявляли о необходимости, пока Русская Церковь изнемогала под игом антихристовой власти, «организовать взаимодействие всех автокефальных Православных Церквей под духовным водительством Вселенской Патриархии, этой духовной вершины всего Православия».

Однако Фотию II в 1930-е гг. не удалось провести не только сам «Вселенский Собор», но даже и так называемый «Предсобор» (или «Просинод»), причем едва ли не главной причиной срыва этого мероприятия стал категорический отказ Московской Патриархии участвовать в нем вместе с раскольниками-обновленцами, как того хотел Константинопольский Патриарх [7]. В дальнейшем же резкое ухудшение международной обстановки в связи с приближением и началом Второй мировой войны сделало на время «вселенские» инициативы Константинополя не актуальными.

После войны Фанар полностью переориентировался на Соединенные Штаты. Продвинутый ими на Константинопольскую кафедру американско-греческий архиепископ Афинагор (Спиру) заявлял в 1953 г. генконсулу США в Стамбуле, что «краеугольным камнем его деятельности как Патриарха он видит продвижение американских идеалов». Такое грубое проявление сервилизма даже несколько смутило американского дипломата, в связи с чем он обращался в свой Госдепартамент: «Я был бы склонен рекомендовать делать все от нас зависящее для придания большей утонченности выражениям Патриархом своих вполне объяснимых проамериканских настроений, а наши будущие отношения с ним выстраивать столь деликатно, чтобы избежать слишком тесного ассоциирования его с нами» [2, С. 227–228].

С той поры едва ли что-то существенно изменилось в плане зависимости Фанара от политики США. Изменилось то, что, если в те десятилетия Америка еще могла именоваться христианской страной, то теперь уже однозначно нет. Между тем натиск фанариотов, стремящихся утвердить свое первенство не просто чести, но власти в мировом Православии, с каждым годом усиливается. Важнейшим инструментом этого является так называемый Всеправославный Собор. Регламентом этого мероприятия Константинопольскому Патриарху

¹ Ἐνιαῖον μέτωπον τῆς Ὀρθοδοξίας // Πατρίς. 1930. 6 ἰουν. Αρ. 809. Σ. 1.

(именуемому в документе исключительно Вселенским) усваиваются чрезвычайные права. Он созывает Собор, назначает его время и место, председательствует на нем, направляет ход дискуссий, предоставляя (или не предоставляя) слово членам Собора (подчеркнуто, что «никто не может говорить, предварительно не испросив и не получив разрешения председателя Собора»). Подписанные решения Собора, как сказано в регламенте, «направляются патриаршими письмами Вселенского Патриарха Предстоятелям Автокефальных Православных Церквей, которые доводят их содержание до сведения своих Церквей» [10]. То есть, без получения санкции Константинопольского Патриарха другие Предстоятели даже не вправе известить свои Церкви о том, какие же документы они подписали. Разумеется, в регламенте нет ни слова о возможности соборного суда над главой Фанара, вся установленная процедура это категорически исключает. До римо-католического подхода не хватает разве что тезиса об учительной непогрешимости Вселенского Патриарха.

Конечно, с подлинно православной экклезиологией навязываемый Церкви константинопольский папизм совершенно несовместим. Понятно, что смысл проведения «Святого и Великого Собора» на Крите летом 2016 г. заключался не в принятии нескольких деклараций, а в утверждении новой модели управления мировым Православием, в которой Фанар обретает господство над другими Поместными Церквами, а через него – те силы (только весьма мутировавшие), которым в свое время клялся в верности Патриарх Афинагор. По милости Божией в последний момент Русская Православная Церковь (вслед за Антиохийской, Грузинской и Болгарской) отказалась участвовать в критском действе, что автоматически лишило его статуса Всеправославного Собора. Однако точка здесь еще не поставлена. Искоренение соблазна константинопольского папизма станет важнейшей составляющей преодоления последствий русской революции для всей Православной Церкви. Но для этого требуется приложить немало усилий.

Источники и литература:

1. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 63. Д. 397.
2. *Ермилов П. В., диак.* Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы «холодной войны» // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3 (36). С. 227–228.
3. *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М. 2015. С. 260.
4. *Иванов С. Н.* Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 3 (58). С. 24–60.
5. История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). В 2 тт. / Подгот. изд., предисл и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь, 2015.
6. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М. 1997.
7. *Мазырин А. В., свящ.* К вопросу о русском факторе в срыве Всеправославного собора в 1920–1930-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1 (34). С. 333–357.
8. *Мазырин А. В., свящ.* Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.
9. *Мазырин А., свящ.* Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя

- священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М. 2012. С. 381–388.
10. Регламент организации и работы Святого и Великого Собора Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2016. № 3. С. 62–64.
11. *Чибисова А.* Британское направление во внешней политике Константинопольского Патриархата по вопросу созыва Восьмого Вселенского Собора // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 80. (В печати).
12. Η ἐν Ρωσσίᾳ ἐκκλησιαστικὴ κατάστασις // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1922. 31 δεκ. Σ. 487–489.
13. Καλαϊτζῆς Χρ., διάκ. Τό Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου ἐν Μόσχᾳ «Ὁ ἅγιος Σέργιος» καί οἱ ἡγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεὴ, Κατερίνη, 1991. Σ. 735.
14. Λουκαῖς Ἐ. Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 21 νοεμ. Αρ. 46. Σ. 428–429.
15. Λουκαῖς Ἐ. Σημασία ἐκλογῆς Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου // Πάντανος. 1920. Σ. 31; Ὁμοσπονδία τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1920. 14 νοεμ. Αρ. 45. Σ. 424.

The Consequences of the Revolution in Russia for the Relations between the Russian and Constantinople Churches

Alexandr Mazyrin, priest (Moscow)
Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities

The report examines the anticanonical activity of the Constantinople Patriarchate, which tried to use the miseries of the Russian Orthodox Church, persecuted by the theomachists, to assert its hegemony. The increasing papistic aspirations of Fanar attached a particular relevance to the problem. One of the most important Church tasks of our time is the resistance of this process.

Key words: Russian Orthodox Church, Constantinople Patriarchate, revolution, renewal schism, apostasy.